

НОСТАЛЬГИЯ

без глютена

CROISSANT 2,70€
CAFÉ CRÈME 2,50€

STOMATOLOGUE
PARIS - 120€
BANLIEUE - 80€
MOSCOU 25€

**ДВА ПОКОЛЕНИЯ. ДВА ПАРИЖА.
ОДИН СПОР О ЕДЕ. ОДИН ВОПРОС О ДОМЕ.**

*Сколько бы лет ты ни прожил за границей —
ты всё равно ищешь свой потерянный дом.*

МИЛЕНА ДЕ ВЕЙН

18+

Милена Вейн

Ностальгия без глютена

<https://litres.ru/74196717>

SelfPub; 2026

Аннотация

В парижском кафе «У Людовика» за одним столиком сталкиваются два поколения одной эмиграции. Наум Борисович — осколок «девяностых», уехавший из Житомира с чугунной сковородкой и тоской по докторской колбасе. Тёма — современный «цифровой кочевник» из московского коворкинга, приехавший покорять Европу с ноутбуком и верой в безграничную свободу.

Для Тёмы Париж — это ментальный катарсис, хвалёная толерантность и воздушный миндальный круассан. Для Наума Борисовича — тридцать лет борьбы с изошрённой французской бюрократией, где единственным спасением и символом родины остаются жирная атлантическая селёдка и кислый кефир.

Этот ироничный и пронзительный разговор — не просто банальный конфликт отцов и детей. Это столкновение двух эпох: времени, когда уезжали навсегда и выживали вопреки всему, и глянцевого настоящего, где свободу меряют скоростью беспроводного интернета. Кто же из них по-настоящему обрёл дом, а кто так и остался вечным странником на этом чужом празднике жизни?

Содержание

Ностальгия без глютена	4
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Милена Де Вейн

Ностальгия без глютена

Ностальгия без глютена

Кафе «У Людовика» на бульваре Сен-Жермен пахло тем, чем и положено пахнуть приличному парижскому заведению: пригоревшим эспрессо, сыростью от столетней каменной кладки и лёгким, едва уловимым высокомерием.

За угловым столиком сидели двое. Точнее, сидела вся новейшая история нашей эмиграции, разделённая тридцатилетним забором.

С одной стороны баррикады находился Наум Борисович — человек с лицом грустного кавказского князя, хотя родился он в Житомире, а последние тридцать два года провёл в пригороде Парижа, Пантэне. Наум Борисович носил вельветовый пиджак цвета переспелой сливы, купленный на распродаже в галерее Лафайет в год миллениума, и хранил в кармане проездной с таким видом, будто это был партийный билет.

Напротив сидел Тёма. Тёме было двадцать шесть лет. Он приехал в Париж три месяца назад из престижного московского коворкинга, транзитом через Тбилиси. На Тёме были безразмерные штаны, в которых можно было спрятать два

арбуза, и очки в такой толстой оправе, словно он собирался инспектировать ядерный реактор.

— Вы не понимаете, Наум, — горячился Тёма, размахивая миндальным круассаном так, будто это был транспарант. — Это же особая атмосфера! Это полный разрыв со всем советским прошлым. Я беру этот круассан и чувствую настоящую свободу! Здесь воздух другой. Здесь уважают личные границы. Вчера в прачечной мне улыбнулся местный парень. Это было просто потрясающе.

Наум Борисович посмотрел на круассан с глубоким, почти профессиональным состраданием. За долгие годы в эмиграции он научился отличать истинные ценности от наносных.

— Молодой человек, — мягко произнёс Наум Борисович с привычной меланхолией. — Свобода — вещь абстрактная. Свободу нельзя намазать на хлеб. Вы говорите «круассан» Ну, круассан. Мука, масло, воздух. Французы продают вам воздух по цене приличного обеда в заводской столовой. Вы попробуйте прожить на этом воздухе тридцать лет. Когда у вас заболит коренной зуб, а государственная страховка скажет вам «о-ля-ля», все ваши восторги быстро сменятся банальным флюсом.

— Вы просто травмированы прошлым, — авторитетно заявил Тёма, отпивая из крошечной чашечки то, что французы гордо именуют кофе, а Наум Борисович называл «помоями из-под макарон». — Вы уехали, но привезли свой Житомир с собой. Вы мысленно всё ещё стоите в очереди за дефицитом.

Наум Борисович вздохнул. Спор длился уже второй час. Тёма был сыном его троюродной племянницы, присланным в Париж «осмотреться и зацепиться». Наум Борисович чувствовал себя гидом по кладбищу чужих иллюзий.

Анатомия первой волны

Чтобы понять Наума Борисовича, нужно было знать, как уезжали в девяностые. Это не был перелёт лоукостером с ноутбуком под мышкой. Это была эвакуация сожжённого штаба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.